

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165

ЭВИДЕНЦИАЛИЗМ, ТЕЗИС ФАНТЛА-МАКГРАТА И АРГУМЕНТ ОТ ОШИБКИ

Н. В. Головко

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
golovko@philosophy.nsc.ru

Аннотация. Цель работы – показать, что пример, который приводят Дж. Фантл и М. Макграт (2002), (прагматические соображения относительно риска приписать желаемый эпистемический статус данному убеждению в данной ситуации влияют на само понятие «эпистемический факт» и, как следствие, мы должны отказаться от эвиденциализма, как представления о том, что необходимые и достаточные условия обоснования определяются исключительно доступными эпистемическими данными), не достигает своей цели. Принимая во внимание рассуждения Дж. Кванвига о том, что проблему «прагматических соображений» можно свести к представлению о «ложности обыденного представления об оценивании [достоверности] знания» (2011), мы можем сказать, что проблема, о которой говорят Дж. Фантл и М. Макграт, – это не проблема эпистемической рациональности, а проблема достаточности эпистемического обоснования в ситуации, когда риск совершить ошибку является еще одним фактором, подчеркивающим принципиально субъективный характер приписывания эпистемического статуса убеждению. Как следствие, мы интерпретируем рассуждения Дж. Фантла и М. Макграта как одну из форм скептического аргумента «от ошибки», который решается указанием на принципиальную разницу в «объеме» эпистемических данных в ситуациях, которые интроспективно рисует себе субъект, предполагая, знает ли он или нет. Такая интерпретация рассуждений Дж. Фантла и М. Макграта не угрожает эвиденциализму.

Ключевые слова: эпистемология, эвиденциализм, прагматические соображения, эпистемическая рациональность, фаллибилизм, скептицизм, Дж. Кванвиг.

Для цитирования: Головко, Н. В. (2023). Эвиденциализм, тезис Фантла-Макграта и аргумент от ошибки. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 5-13. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.5-13

EVIDENTIALISM, FANTL-MCGRATH'S ARGUMENT AND THE ARGUMENT FROM ERROR

N. V. Golovko

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
golovko@philosophy.nsc.ru

Abstract. The paper aims to show that the example given by J. Fantl and M. McGrath (2002) that pragmatic considerations regarding the risk of attributing the desired epistemic status to a given belief in a given situation affect the very concept of «epistemic fact» and as a consequence, we must abandon evidentialism, as a general concept that the necessary and sufficient conditions of justification are determined solely by the available epistemic data, does not achieve its goals. Taking into account J. Kvanvig's position that the problem of «pragmatic encroachment» could be reduced to the notion of «the false presupposition about the value of knowledge» (2011), we may say that this is not a problem of epistemic rationality, but a problem of the sufficiency of epistemic justification in situations where the risk of making a mistake is just another factor that emphasizes the fundamentally subjective nature of epistemic status

attribution to a belief. As a consequence, we see the J. Fantl's and M. McGrath's argument as a form of the skeptical argument «from error», which is solved by pointing out on the fundamental difference in the «volumes» of epistemic data within situations that the person introspectively draws for himself, assuming whether he knows or not. Such an interpretation does not threaten evidentialism at all.

Keywords: epistemology, evidentialism, pragmatic encroachment, epistemic rationality, fallibilism, skepticism, J. Kvanvig.

For citation: Golovko, N. V. (2023) Evidentialism, Fantl-McGrath's Argument and the Argument from Error. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 5-13. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.5-13

Существует поверие, что, когда вы едете в автобусе и опаздываете, главное не подавать виду, что волнуешься: автобус чувствует ваш страх опоздать и нарочно едет медленнее. Дж. Фантл и М. Макграт используют аналогичные рассуждения для того, чтобы показать, что эпистемическое обоснование не является предметом исключительно одних лишь имеющихся данных [Fantl, McGrath, 2002]. Вы стоите на перроне, чтобы поехать в Переделкино отдохнуть с друзьями, и вы спрашиваете случайного попутчика: «Останавливается ли эта электричка на платформе Очаково?». Попутчик отвечает: «Да, эта электричка останавливается у каждого столба. Мне так сказали в кассе». С точки зрения Дж. Фантла и М. Макграта, в этой ситуации вы «эпистемически обоснованы» в том, что поезд остановится на платформе Очаково, вы готовы приписать убеждению «этот поезд остановится на платформе Очаково» какой-нибудь «хороший» эпистемический статус. В другой ситуации вам очень нужно оказаться на платформе Очаково, чем раньше, тем лучше. И, как и в первом случае, попутчик заверяет вас, что по информации, которую тот получил в кассе, поезд там остановится. Однако, вы можете подумать: «А что если он ошибается? Важна ли для него предполагаемая остановка на платформе Очаково? Может быть кассир не так понял вопрос? Может быть он не так понял ответ?» После этого вы решаете, что лучше все-таки пойти и проверить самому. Дж. Фантл и М. Макграт говорят, что в этой ситуации у вас нет достаточных данных для того, чтобы быть «эпистемически обоснованным» в том, что поезд остановится на платформе Очаково, – эпистемический статус, который вы готовы приписать убеждению «этот поезд остановится на платформе Очаково», недостаточно «хорош». Когда на кону стоят важные вещи, «случайного» источника информации недостаточно. Здесь две ситуации. В одной – приписывание эпистемического статуса убеждению не зависит от практической значимости обстоятельств, в которых находится субъект. В другой – цена ошибки, которую субъект может допустить, приписывая «не тот» эпистемический статус соответствующему убеждению на основании имеющихся (и, возможно, не полных) данных, велика, а значит, субъект находится в ситуации, в которой он «не знает». И теоретически, хорошая эпистемическая теория должна учитывать подобные «прагматические соображения» (pragmatic encroachment), а вместе с ними и условный «тезис Фантла-Макграта» в общей модели эпистемического обоснования.

В общем случае, эвиденциализм, как концепция эпистемического обоснования, предполагает, что необходимые и достаточные условия обоснования приписывания данного эпистемического статуса данному убеждению определяются исключительно доступными эпистемическими данными (Д. Юм, Б. Рассел, Р. Чизолм, А. Плантинга и др.). В традиционном понимании основные факторы, влияющие на приписывание данному убеждению статуса «знание», связаны с представлениями об истинности и обосновании

(«достоверность», «не-случайность» и др.), так или иначе отсылают к истинности убеждения и доступным данным. В данном случае, Дж. Фантл и М. Макграта настаивают на том, что, отвечая на вопрос «А обладает ли данный субъект в данном случае знанием?», мы должны перейти от анализа традиционных факторов к анализу «прагматических соображений», намекая на то, что разница в практических обстоятельствах отражает разницу «в знании». Единственно, что отличает ситуации «я еду в Переделкино отдыхать», и «я еду в Очаково работать», это вопрос *важности для субъекта* того, что происходит. Предположение о том, что прагматические соображения могут оказывать существенное влияние на существование «эпистемических фактов», будет направлено против эвиденциализма. Во-первых, доступные эпистемические данные больше не будут являться достаточными условиями эпистемического обоснования. Во-вторых, то, что субъект полагает делать в данной практической ситуации, в каком-то смысле, должно быть включено в необходимые условия эпистемического обоснования. Однако, на наш взгляд, как бы грозно не звучала претензия условного «тезиса Фантла-Макграта», классический эвиденциализм не находится под угрозой. Наша гипотеза заключается в том, что если принять во внимание позицию Дж. Кванвига о том, что риск совершить ошибку является всего лишь еще одним фактором, подчеркивающим принципиально *субъективный* характер приписывания эпистемического статуса убеждению [см., например: Kvanvig, 2011], то ситуация, описываемая Дж. Фантлом и М. Макграта, отвечает одной из форм скептического аргумента «от ошибки». Следуя канонической интерпретации аргумента «от ошибки» [см., например: Steup, 1996, ch. 10], скептик утверждает, что до тех пор, пока вы не покажете «релевантную разницу» (именно в эпистемических терминах) между ситуациями (например, вы знаете, что p , когда едете отдыхать, и вы не знаете, что p , когда едете на работу), вы не можете говорить, что вы эпистемически обоснованы.

В общем случае прагматические соображения относительно риска (приписывания желаемого эпистемического статуса данному убеждению) в той или иной ситуации нельзя напрямую рассматривать как расширение множества эпистемических данных, но мы можем использовать их для того, чтобы схватить идею «легитимной законченности процесса обоснования». В ситуации, когда вы едете на работу, процесс обоснования на исходном множестве эпистемических данных не закончен, осознание риска заставляет вас искать новые эпистемические данные для того, чтобы подтвердить или опровергнуть исходную гипотезу. Учитывая этот «запрос на поиск новых эпистемических данных» (продиктованный исключительно прагматическими соображениями), мы можем говорить о потенциальной разнице в условном «объеме» эпистемических данных в описанных двух ситуациях, а значит можем содержательно различить две ситуации и тем самым блокировать рассуждения скептика. Ключевой момент в данном понимании рассуждений Дж. Фантла и М. Макграта заключается в том, что мы должны различать ситуации, в которых, с одной стороны, мы оцениваем достаточность «эпистемического обоснования» для приписывания данного эпистемического статуса для данного убеждения, а с другой – когда мы оцениваем приписывание эпистемического статуса с точки зрения принятого представления об «эпистемической рациональности». Когда мы говорим о разнице «объемов» эпистемических данных, – это проблема эпистемического обоснования, и здесь апелляция к аргументу «от ошибки» вполне допустима. Когда мы говорим о необходимости «что-то сделать» с эвиденциализмом, потому что прагматические соображения вносят изменения

в саму его логику, – это проблема эпистемической рациональности, которую, на самом деле, здесь можно не рассматривать вовсе. Ситуация, описываемая Дж. Фантлом и М. Макгратом (формально, в обоих случаях множества эпистемических данных в пользу p одни и те же, но интуиция подсказывает, что субъект не знает p , когда начинает учитывать прагматические соображения), не требует того, чтобы мы рассматривали ее через призму общей дискуссии о релевантности практических соображений ответу на вопрос: обладает ли субъект знанием. Это пример, который подчеркивает принципиально субъективный характер приписывания эпистемического статуса убеждению в данной практической ситуации и не угрожает эвиденциализму.

Эвиденциализм

Эвиденциализм – это доктрина о необходимых и достаточных условиях эпистемического обоснования приписывания данного эпистемического статуса данному убеждению. Именно так. Мы не обязаны каждый раз говорить о «знании» и полагать, что вопрос об эпистемическом обосновании всегда привязан исключительно к классическому определению знания. Допустим, вы фаллибилист (Ч. Пирс, В. И. Ленин, К. Поппер, У. Куайн и др.), а значит желаемый максимальный эпистемический статус убеждения, который вы, как правило, обсуждаете, говоря об эпистемическом обосновании в конкретной практической ситуации, – точно не то самое платоновское «знание». Не говоря уже о том, что само понятие «эпистемическое обоснование» по определению применяется для обсуждения любых эпистемических статусов, включая «негативные» [см., например: Chisholm, 1989, ch. 2]. Как отмечают Э. Кони и Р. Фелдман: «... доксистическая установка (doxastic attitude) [эпистемический статус] D по отношению к пропозиции p является эпистемически обоснованной для S в t , если и только если обладание (having) D отвечает (fits) данным, которые есть у S в t » [Conee, Feldman, 1985, p. 15]. Все дело в «качестве» данных. Более «сильные» данные дают возможность обосновать более «сильный» эпистемический статус. «Негативные» статусы и классическое «воздержаться от суждения» также требуют обоснования данными. Естественно, с самого начала, эвиденциализм – это интерналистская концепция, и, как следствие, «обоснованность эпистемического статуса супервентна (strongly supervenes) случающимся (occurrent) и диспозиционным ментальным состояниям, событиям и условиям» [Conee, Feldman, 2004, p. 56]. Данные, которые есть у S в t , должны быть «когнитивно доступными» (cognitively accessible). В каком-то смысле мы говорим о вполне определенной метафизической картине, которая скрывается за таким представлением об эпистемическом обосновании. Эпистемическое обоснование является следствием наличия когнитивно доступных ментальных состояний. Как отмечает Х. Вахид: «В отличие от истины, обоснование – это всегда некоторая перспектива, определяемая относительно данных, доступных субъекту. Если убеждение истинно, то оно истинно всегда. Но обоснование зависит от эпистемических обстоятельств (circumstances), в которых находится субъект. Субъект может быть не обоснован в принятии убеждения в t_1 , например, поскольку у него нет релевантных данных. И то же самое убеждение может считать обоснованным в t_2 . И именно такой характер эпистемического обоснования является тем, что не допускает (obviates) превращение эпистемического обоснования в истину» [Vahid, 2003, p. 85].

На первый взгляд, это замечание всего лишь повторяет простую истину, что второе (или первое, если у вас «условие истинности» стоит на первом месте) и третье условия – это разные условия. Однако, на наш взгляд, тут может скрываться один важный момент, вызванный пониманием различия в указании на достаточность «эпистемического обоснования» для приписывания данного эпистемического статуса для данного убеждения, и в оценивании приписывания эпистемического статуса с точки зрения принятого представления об «эпистемической рациональности».

Эпистемическое обоснование по определению *должно* иметь нормативное измерение (или нормативный контекст). В данном случае нужно развести вопросы *активности*, которую проявляет субъект для того, чтобы «сконструировать» эпистемическое обоснование (и именно с этим вопросом мы и свяжем норму приписывания того или иного эпистемического статуса), и вопросы *метафизических оснований*, которые дают саму возможность обоснования. Э. Кони и Р. Фелдман отмечают: «Для любого S , времени t , пропозиции p и любой доксистической установки (doxastic attitude) в отношении p , которую S может принять, верно, что если данные в t поддерживают (support) p , то S эпистемически должен (ought) принять установку по отношению к p , которая поддерживается данными, которые есть у S в t » [Conee, Feldman, 2004, p. 185]. Суть замечания в том, что принимаемая «доксистическая установка» должна быть установкой, которая эпистемически обоснована имеющимися данными. При этом это «долженствование» вполне логично понимается в терминах тех установок (или эпистемических статусов), которые *рационально* принять на основании анализа имеющихся данных. Эпистемический статус (или установку), который должно рационально принять, определяется «когнитивно доступными» для S данными: «... принимая (или сохраняя) установку по отношению к пропозиции p , субъект максимизирует эпистемическое значение (value) посредством принятия (или сохранения) рациональной установки по отношению к p » [Ibid]. Вместо того, чтобы продолжать разговор об активности субъекта, который «конституирует знание», мы можем обратиться к обозначенной «метафизической картине». Она, как мы видим, акцентирует внимание на доступности данных. Конечно, представление о «доступности данных» играет важную роль и в принятии решения, какой эпистемический статус рационально (или нет) принять в данном случае для данного убеждения. Однако, вопрос может быть не в том, например, максимизируем ли мы по ходу приписывания эпистемического статуса ту или иную заранее выбранную субъектом «эпистемическую ценность», а в том, какой именно случай приписывания эпистемического статуса мы выбираем как образец, по которому строим «рациональность»? На наш взгляд, тот факт, что большинство авторов, так или иначе, нацелены на то, чтобы говорить о «знании», мешает тому, чтобы увидеть всю полноту картины. Естественно, когда мы говорим об эпистемических данных, которые приписывают эпистемический статус «знание» (который сам по себе по определению является «недостижимым» исключительным статусом), то в этой ситуации кажется правильным говорить о «рациональности» соотношения данных и приписывания статуса в смысле максимизации, наперед заданной «эпистемической ценности». Здесь мы изначально оперируем абстрактными объектами (пропозиция, награжденная статусом «знание», данные, т. е. другие пропозиции, которые используются для обоснования приписывания именно статуса «знание», «эпистемическая ценность», как правило, истина, и т. д.), и поэтому

построение идеализированного представления, которое всегда дает то, что нужно, не вызывает сомнений. Но что если мы будем говорить о других, менее «сильных» эпистемических статусах? Например, статус «за рамками обоснованного сомнения» (*beyond reasonable doubt*) не является «недостижимым» (таким как платоновское «знание») и, более того, активно используется на практике. Если верить аллюзиям на реальную юридическую практику в рамках прецедентной системы права, на которые опирается Р. Чизолм, приводя свою систему эпистемических статусов [Chisholm, 1989, ch. 2]. Можно ли в данном случае, например, имея в виду данные, которые используются для обоснования приписывания статуса «за рамками обоснованного сомнения», вообще говорить о том, что мы можем апеллировать к достаточно строгой идеализированной системе правил, которые и будут репрезентировать для нас «эпистемическую рациональность»? Это открытый вопрос.

Работать со «знанием», с данными, обосновывающими статус «знание», и на этом основании рассуждать об «эпистемической рациональности», в каком-то смысле намного проще, чем работать с другими статусами и рассуждать о моделях «эпистемической рациональности», которые можно построить к ним обращаясь. Более того, у нас есть серьезные сомнения в том, что традиционный дискурс о природе эпистемической рациональности (имеющий в качестве образца рассуждений о приписывании эпистемического статуса именно обоснование приписывания статуса «знание») вообще может пережить отмеченную Дж. Фантлом и М. Макгратом необходимость расширить традиционные представления за счет «прагматических соображений», которые, например, мы должны будем принять во внимание, если согласимся с тем, что для нас, в данном случае, важно то, что именно субъект полагает, что он должен делать в данной практической ситуации. Дж. Стэнли, как контекстуалист, легко может утверждать, что в данном случае «деление на практическую (инструментальную) и теоретическую рациональность является менее четким, чем кому-либо хотелось» [Staley, 2005, p. 2], и в рамках контекстуализма, по-видимому, это будет справедливо¹. Однако, не все согласны с тем, что здесь мы должны рассматривать эпистемическую рациональность как, например, представление о том, что «рациональным является принятие убеждений, приближающих субъекта к истине», как частный случай инструментальной рациональности. И даже, более того, не все согласны с тем, что в данном случае «истинность» как цель, которую ставит перед собой субъект, должна играть существенную роль. Как отмечает Т. Келли: «Инструментальная рациональность предписывает делать то-то и то-то, потому что это действие обещает приблизить нас к определенной, осознаваемой субъектом цели... однако, случаются ситуации, когда у нас могут быть эпистемические основания для того, чтобы принять пропозицию, даже в том случае, если ее принятие не обещает приближения к какой-либо

¹ Не стоит забывать о том, что современный контекстуализм не является классической теорией, обсуждающей «природу знания». Это (тяжкое) наследие лингвистического поворота. Здесь «знание» определяется не как предельный эпистемический статус, которым могут обладать лишь немногие убеждения, а как «указующий» (*indexical*) термин по отношению к выражению, чей семантический контекст (значение) зависит от контекста его использования [см., например: Stanley, 2005]. Выражение «он знает, что лифт сломался», может соответствовать разным пропозициям, в зависимости от моего употребления. И все это существенно отличается от классической дискуссии о природе знания, которую, например, можно найти у Р. Чизолма [Chisholm, 1986]. В нашем случае, мы рассматриваем проблему эвиденциализма (пытаясь определиться с необходимостью учитывать «прагматические соображения») как проблему природы знания, а не проблему приписывания термина «знание».

цели, осознаваемой субъектом» [Kelly, 2003, p. 630]. Эпистемические основания, т. е. данные в пользу *p*, могут существовать (что делает принятие *p* эпистемически рациональным), но их сложно соотнести с какой-либо целью. И эта ситуация намного больше отвечает представлению о том, что мы должны принимать во внимание не только приписывание эпистемического статуса «знание» и работу с соответствующими данными (в этом случае, мы действительно можем согласиться с условной «телеологической» интерпретацией эпистемической рациональности, принимая как цель истину), но и строить свою модель эпистемической рациональности на примере приписывания других статусов.

Таким образом, говоря об эвиденциализме и проблеме того, что «прагматические соображения могут оказать существенное влияние на существование эпистемических фактов», на наш взгляд, у нас есть возможность вообще не обращаться к проблеме эпистемической рациональности. Представление об «эпистемической цели» достаточно сложно зафиксировать так, чтобы исключить аллюзии на другие типы рациональности; есть сомнение в том, что работу со всем многообразием эпистемических статусов (не ограничивая себя «знанием») можно описать в рамках одной системы правил (уже потому, что эта система правил должна оперировать объектами разной природы, – убеждения, получающие статус «знание» и любые другие убеждения); наконец, идея, что прагматические соображения влияют на приписывание эпистемического статуса, сама по себе уже является частью любой концепции эпистемической рациональности, т. к. апелляция к «когнитивной доступности» данных предполагает «практический опыт». В этом смысле, гораздо продуктивнее будет рассмотреть другую часть аргументации, связанную с «оцениванием достаточности эпистемического обоснования для приписывания данного эпистемического статуса для данного убеждения».

Дж. Кванвиг и фаллибилизм

Основной элемент условного «тезиса Фантла-Макграта» – это допущение, что приписывание эпистемического статуса убеждению существенным образом зависит от *практической значимости* обстоятельств, в которых находится субъект. Что если вместо: «эта электричка остановится на платформе Очаково», мы бы рассматривали убеждение « $2 \times 2 = 4$ »? А что если это годовая контрольная по проверке знания таблицы умножения в первом классе? В чем будет разница в анализе этих ситуаций, если мы допускаем, что «добавление прагматических соображений в представление об эпистемическом обосновании делает эвиденциализм ограниченным», и будет ли она? Здесь стоит отметить, что соотношение «знания» и «практики» – это классический вопрос. Сами по себе «прагматические соображения» в самом общем виде всегда включены в представление о знании, например, в том смысле, что выстраивание правильного аргумента это вопрос опыта². И в нашем случае, особенно показательными могут быть рассуждения Дж. Кванвига:

² Не будем забывать, что «обоснование» – это аргумент, т. е. «логически строгая» (предположим, что у нас есть достаточно четкое представление о модальности эпистемического обоснования) последовательность шагов рассуждения. Допущение «прагматических соображений» намекает на то, что мы не можем рассматривать исключительно и собственно эпистемическую модель эпистемической рациональности. И как отмечалось выше, интерпретация «рациональности» в терминах «цели» (стремления

«Большинство аргументов [против эвиденциализма] указывают на ложность обыденного представления об *оценивании* (value) [достоверности] знания. Если вы не можете действовать в соответствии с имеющейся информацией, то насколько хорошим является ваше знание? Не нужно поспешных обобщений. Я могу ответить, что знание ценно уже потому, что является центральной характеристикой, которая делает любую практическую деятельность рациональной ... В случае с поездом [в работе Дж. Фантла и М. Макграта] подчеркивается акцент на риске совершить ошибку. Однако сам по себе акцент на риске совершить ошибку не вносит никакой анти-эвиденциалистский элемент в теорию знания. Привязка акцента на риске совершить ошибку к обладанию знанием всего лишь ведет к осознанию большей субъективности знания. Тут важно посмотреть на факторы, которые влияют на то, какой акцент мы выбираем. Если это акценты, касающиеся практических аспектов ситуации, которая влечет потерю (loss) знания, – это одно, но если акцент касается именно риска совершить ошибку, то очевидный фактор, в данном случае, – это субъективный характер принимаемого решения. И субъективность подобного рода не может быть частью критики эвиденциализма» [Kvanvig, 2011, p. 84]. Дж. Кванвиг намекает на то, что одно дело – попперовский фаллибилизм научного знания и проблема индукции, – это как раз ситуация, в которой «практические аспекты влекут потерю знания», а другое – ситуация, в которой «мы изначально обладали знанием, а потом *в силу сомнения* в самой возможности обладать знанием отказались от него». В первом случае мы подчеркиваем необходимость в практической деятельности работать с убеждениями, эпистемический статус которых весьма далек от идеального «знание». А вот второй случай нам более интересен. Здесь мы подчеркиваем субъективность принимаемого решения. И для того, чтобы показать, почему подобные «сомнения» могут не влиять на наше общее представление об эвиденциализме, нам нужно привести пример ситуации, в которой мы отказываем себе в знании на основании того, что однажды, прибывая в такой же ситуации, уже ошиблись. Именно такая ситуация, на наш взгляд, описывается в скептическом аргументе «от ошибки».

Приведем каноническую формулировку «аргумента от ошибки», как аргумента против эмпирического знания: «Рассмотрим две ситуации: (S1) вы [когда-то] увидели собаку и [заключаете по ряду признаков] говорите: “Это моя собака”, но чуть позже [когда данных становится больше] оказывается, что вы ошибались; (S2) сейчас вы снова видите собаку

к истине, уменьшения количества ошибок и т. д.) – это не лучший ход рассуждений. Тогда, что остается? Один из вариантов – вспомнить, что «обоснование» (и о чем говорил еще Аристотель), это *конечный* процесс. Мы должны позаботиться о том, чтобы на определенном этапе рассуждения мы, наконец, пришли к какому-то конечному (в том числе, демонстрирующему содержательную законченность рассуждения) результату. В каком смысле, когда мы говорим об эпистемическом обосновании, процесс обоснования может быть признан «легитимно законченным»? На практике мы действительно вправе ожидать, что если риск ошибиться достаточно высок, то процесс обоснования не может быть закончен. Законченность обоснования может предполагать, например, что кроме того, что у нас уже есть достаточное множество данных для обоснования, у нас также есть достаточные основания предполагать, что дальнейшее обоснование не приведет к лучшему результату. Эта ситуация аналогичная той, когда вы видите снег за окном и говорите: «Я знаю, что на улице холодно, но я не хочу туда идти, чтобы это проверить». Возвращаясь к рассуждениям Дж. Фантла и М. Макграта, само предположение, что я потенциально могу сколько угодно долго сомневаться в имеющихся данных (если оно является частью условного «тезиса Фантла-Макграта»), вообще не дает возможности зафиксировать критерий «легитимной законченности» рассуждения.

и говорите: “Это моя собака”. Проблема заключается в том, что вы не знали, что это ваша собака в S1, и поскольку ситуация S2 полностью аналогична S1 (как вам кажется, имеющиеся перцептуальные данные одинаково и полностью обосновывают ваше знание и в S1, и в S2), то непонятно, знаете ли вы, что это ваша собака в S2» [Steup, 1996, p. 217]. Скептик утверждает, что до тех пор, пока вы не покажете «релевантную разницу» между ситуациями, вы не можете говорить, что знаете, что это ваша собака в S2. Как преодолевается «аргумент от ошибки»? Его каноническое же опровержение выглядит следующим образом: «[В ситуации S2] общий (total) объем имеющихся данных включает понимание того, что сейчас я знаю, почему в S1 мое убеждение было ложным. Таким образом, говоря, что я знаю в S2, я могу показать релевантную разницу между S1 и S2» [Ibid, p. 218]. В примере, который приводят Дж. Фантл и М. Макграта, у нас не две ситуации – поездка на отдых и поездка на работу, а три. «Поездка на работу» разбивается на две. Воображаемая в сознании субъекта ситуация, которой он не пошел «за новыми данными» и опоздал, и обратная. В обоих случаях приписывание эпистемических статусов убеждению «этот поезд остановится на платформе Очаково» не выходит за рамки эвиденциализма. И там и там приписывание эпистемического статуса происходит на основании множества имеющихся «когнитивно доступных» данных. Речь именно о внутреннем «субъективном» анализе данных. И отличаются эти ситуации именно тем, что субъект интроспективно, на основании имеющегося опыта, разделяет ситуации, в которых он ошибается, и в которых нет. Но это и есть суть скептического аргумента «от ошибки». И поскольку мы специально интерпретируем «тезис Фантла-Макграта» не как проблему изменить «рациональность» эвиденциализма, а как проблему достаточности эпистемического обоснования, то мы можем разделить условные объемы эпистемических данных в двух гипотетических ситуациях: «вчера я не пошел за дополнительными данными и ошибся», и «сегодня я знаю, что вчера я ошибся, а значит мне нужны дополнительные данные». Без «дополнительных данных» во втором случае процесс эпистемического обоснования не будет «легитимно закончен».

Идея Дж. Кванвига о том, что всю проблему «прагматических соображений» можно свести к представлению о «ложности обыденного представления об *оценивании* [достоверности] знания» (принципиально то, что она не является проблемой природы знания, а значит нет необходимости рассуждать о рациональности и критиковать эвиденциализм), естественно, имеет свои плюсы и минусы. В частности, хорошо то, что в данном случае нам может быть не важно то, о приписывании какого эпистемического статуса идет речь. Мы не обязаны все время интерпретировать «доксастическую установку», которая есть у субъекта по отношению к «этот поезд остановится на платформе Очаково», как «знание». С другой стороны, в определенном смысле, здесь мы обязаны принять ту или иную форму фаллибилизма относительно знания. И это может быть проблемой. По сути, вместо обсуждения модели «рациональности», которая связана с эвиденциализмом, мы переходим к обсуждению «рациональности» фаллибилизма, например, как представления о том, что «знать p – это знать p , несмотря на то, что обоснование p не “максимально” [в каком-то смысле]». Как отмечает Д. Льюис: «Мы находимся между Сциллой фаллибилизма и Харибдой скептицизма. Но обе [позиции] сумасшедшие (mad)! Вы говорите, что S знает, что P , но при этом же говорите, что не можете исключить возможность не- P . Это звучит

противоречиво. Послушайте, как это звучит: “Он знает, однако не исключил всех возможностей ошибки”, последовательный (explicit) фаллибилизм звучит неправильно (wrong)» [Lewis, 1996, p. 550]. Да, если перед нами стоит выбор: «фаллибилизм или скептицизм?», то многие выберут фаллибилизм, но вопрос о соответствующей модальности рассуждений, возможно, будет не менее сложен.

Список литературы / Reference

- Chisholm, R. (1989). *Theory of Knowledge*. 3rd ed. Prentice Hall.
- Conee, E., Feldman, R. (1985). Evidentialism. *Philosophical Studies*. Vol. 48 (1). pp. 15-34.
- Conee, E., Feldman, R. (2004). *Evidentialism: Essays in Epistemology*. Clarendon Press.
- Fantl, J., McGrath, M. (2002). Evidence, Pragmatics, and Justification. *Philosophical Review*. Vol. 111 (1). pp. 67-94.
- Kelly, T. (2003). Epistemic Rationality as Instrumental Rationality. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 66. no. 3. pp. 612-640.
- Kvanvig, J. (2011). Against Pragmatic Encroachment. *Logos & Episteme*. Vol. 2. no. 1. pp. 77-85.
- Lewis, D. (1996). Elusive Knowledge. *Australasian Journal of Philosophy*. Vol. 74. pp. 549-567.
- Stanley, J. (2005). *Knowledge and Practical Interests*. Oxford University Press.
- Steup, M. (1996). *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Prentice Hall.
- Vahid, H. (2003). Truth and the Aim of Epistemic Justification. *Teorema: International Journal of Philosophy*. Vol. 20 (3). pp. 83-91.

Сведения об авторе / Information about the author

Головко Никита Владимирович – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4707-1231>.

Статья поступила в редакцию: 19.08.2023

После доработки: 30.09.2023

Принята к публикации: 30.11.2023

Golovko Nikita – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4707-1231>.

The paper was submitted: 19.08.2023

Received after reworking: 30.09.2023

Accepted for publication: 30.11.2023